

ЭКСПЕДИЦИЯ НА ПОМОРСКИЙ БЕРЕГ БЕЛОГО МОРЯ

УДК 811.161.1'282.2(268.46) + 378.4(470.54-25) + 811.161.1'373.235 + 913(470.22) + 316.74
https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.2.022

Валерия Станиславовна Кучко

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник топонимической лаборатории кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51)
E-mail: kuchko@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7139-5738>

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ ПОМОРСКОГО БЕРЕГА БЕЛОГО МОРЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОЛЛЕКТИВНЫХ ПРОЗВИЩ

Аннотация

Статья написана по полевым материалам, собранным сотрудниками Топонимической экспедиции УрФУ (Екатеринбург) в сентябре 2023 г. в нескольких населенных пунктах Беломорского района Карелии (Поморский берег Белого моря): сс. Сумский Посад, Колежма, д. Лапино, г. Беломорск и др. В статье содержатся некоторые результаты, касающиеся отражения фактов истории, культуры, социальной, этнической и профессиональной специфики региона в коллективных прозвищах и прозвищных рассказах, которые конструируются вокруг них. Рассматриваемые в статье локально-групповые прозвища, складывающиеся в микросистему, функционируют в ряде населенных пунктов Поморского берега: сс. Шуерецкое (*репоёды*), Вирма (*кочегáры*), Сумский Посад (*мецáне*, *церкóвные срáли*), Колежма (*лопарí*) и Нюхча (*цáри*, *вóры*), а также в удаленных от береговой линии дд. Лапино (*рèпники*), Коросозеро (*вишívики*), Пулозеро (*писаные батогí*), Ендогуба (*линдóушники*), которые находятся на границе поморской и материковой зон. Отмечены факторы, способствующие бытованию большого числа локальных наименований в Беломорье вообще и на Поморском берегу в частности по сравнению с материковой частью Русского Севера и другими традиционно сельскохозяйственными зонами. Представлены мотивировки прозвищ, существующие сегодня в сознании населения Поморского берега старшего возраста (информантов экспедиции). Предложены мотивационные решения для ряда коллективных прозвищ, а также описан исторический

© Кучко В. С., 2024

и социокультурный фон, на котором и благодаря которому они были сформированы, с опорой в том числе на исторические и этнографические источники.

Ключевые слова: Топонимическая экспедиция УрФУ; Поморский берег Белого моря; Беломорский район Карелии; коллективные прозвища; ономасиология; этнолингвистика; этнография

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00439 «Ономастикон и лингвокультурная история Европейской России», <https://rscf.ru/project/23-18-00439/>

Для цитирования

Кучко В. С. Социокультурный ландшафт Поморского берега Белого моря сквозь призму коллективных прозвищ // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21, № 2. С. 192–209. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.2.022

Рукопись поступила в редакцию 10.03.2024

Рукопись принята к печати 15.05.2024

Valeria Stanislavovna KUCHKO

PhD, Senior Research Fellow, Toponymic Laboratory, Department of Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication, Ural Federal University

(51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia)

E-mail: kuchko@inbox.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7139-5738>

SOCIOCULTURAL LANDSCAPE OF THE POMOR COAST OF THE WHITE SEA THROUGH THE LENS OF COLLECTIVE NICKNAMES

Abstract

This article is based on field data collected in September 2023 by the Toponymic Expedition of Ural Federal University (Ekaterinburg). The research was conducted in several settlements along the Pomor coast of the White Sea in the Belomorsky District of Karelia, including Sumskiy Posad, Kolezhma, Lapino, and Belomorsk. The paper presents some of the expedition's findings on how collective nicknames and related narratives reflect the region's history, culture, and social, ethnic, and religious characteristics. The article examines the microsystem of local group nicknames used along a segment of the Pomor coast. These nicknames include *repoedy* from Shueretskoye, *kohegary* from Virma, *meshchane* and *tserkovnye srali* from Sumskiy Posad, *lopary* from Kolezhma, and *tsari* and *vory* from Nyukhcha. It also considers nicknames from inland villages near the Pomor and mainland border, such as *repniki* from Lapino, *vshiviki* from Korosozero, *pisanye batogi* from Pulozero, and *lindushniki* from Endoguba. The article notes the factors contributing to the prevalence of local names on the White Sea coast, particularly on the Pomor coast, compared to mainland regions of the Russian North and other traditionally agricultural areas. The study explores the motivations behind the nicknames that persist in the collective memory of the Pomor coast's older residents (the expedition's informants). It suggests explanations for several collective

nicknames, describing the historical and sociocultural context in which and thanks to which they emerged, based on historical and ethnographic sources.

Keywords: UrFU toponymic expedition; Pomor coast of the White Sea; Belomorsky district of Karelia; collective nicknames; onomasiology; ethnolinguistics; ethnography

Acknowledgements

The research was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-18-00439 *Onomasticon and Linguocultural History of European Russia*, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00439/>

For citation

Kuchko, V. S. (2024). Sociocultural Landscape of the Pomor Coast of the White Sea through the Lens of Collective Nicknames. *Voprosy onomastiki*, 21(2), 192–209. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.2.022

Received on 10 March 2024

Accepted on 15 May 2024

Осенью 2023 г. автор этой статьи в составе экспедиции Уральского федерального университета работала в нескольких населенных пунктах Карельского Поморья: сс. Сумский Посад, Колежма, д. Лапино и г. Беломорск. Настоящие заметки фиксируют некоторые результаты экспедиции, касающиеся отражения сложной и интересной истории, культуры, социальной, этнической и конфессиональной специфики региона в таком разряде ономастики, как коллективные прозвища (названия локальных групп).

Микросистема локально-групповых прозвищ, о которых ниже пойдет речь, функционирует в ряде поселений Поморского берега Белого моря и охватывает (в порядке расположения на побережье слева направо) сс. Шуерецкое, Сухое, Вирма, Сумский Посад, Колежма и Нюхча, а также удаленные от береговой линии дд. Лапино, Коросозеро, Пулозеро, Ендогуба, которые находятся на границе поморской и материковой зон (см. карту, которая актуальна для всех статей настоящей рубрики).

Поморский берег заселялся русскими (выходцами из Новгородской земли) через бассейн р. Выг. Источники фиксируют наличие русских поселений здесь с XV в., хотя появились они, вероятно, еще раньше [Бернштам 1978: 43–44]. Постепенно они стали владениями Соловецкого монастыря и к концу XVI в. составили его Сумскую волость [Там же: 48]. С конца XVIII в. бо́льшая часть Поморского берега принадлежала Кемскому уезду Архангельской губернии; ряд деревень в пограничной зоне (Воренжа, Коросозеро, Пулозеро и др.) принадлежали Повенецкому уезду Олонецкой губернии. Ныне исследуемая нами территория относится к Беломорскому району Республики Карелия.

Поморский берег Белого моря и смежные территории¹

Анализируя количество коллективных прозвищ в разных районах Архангельской области, Ю. Б. Воронцова приходит к выводу, что северные земли, имеющие выход к Белому морю, отличаются заметно более высоким числом локально-групповых наименований, чем южные районы, углубленные в материк [Воронцова 2002: 123–125]. Она называет несколько основных

¹ Благодарим за создание карты Нину Леонидовну Шибанову, главного специалиста по информационным технологиям ИЯЛИ КарНЦ РАН.

объективных причин такого контраста [Воронцова 2002: 126–128]. Это, во-первых, особый тип хозяйствования — артельный, связанный с промышленной культурой поморов, при котором возникает ситуация интенсивного контакта жителей соседних поселений, несвойственная коллективам с традиционным сельскохозяйственным укладом. Во-вторых, это географическая специфика прибрежных территорий — населенные пункты расположены на значительном расстоянии друг от друга, границы каждого из них (по сути это границы потенциального номинативного объекта) четко очерчены и не сливаются друг с другом, в отличие от скученного расположения деревень в более южных зонах Русского Севера. В самом деле, не только архангельская, но и вся береговая линия Белого моря представляет собой крупные села, заметно удаленные друг от друга. Удаленность обеспечивают как природный, так и социальный факторы: села расположены, как правило, в устьях рек, впадающих в море; кроме того, их границами нужно считать границы общинных владений, а структура прибрежного владения включала надел не только с наземным участком, но и с водным, что обеспечивало разреженность прибрежных поселений (за исключением более богатых ресурсами участков, например в устье Северной Двины) [см.: КРП: 114]. Наконец, к территориям повышенной номинативной плотности в смысле коллективных прозвищ Ю. Б. Воронцова относит зоны этнических контактов с нерусским населением. В Беломорье русское население соседствует в первую очередь с карелами и саамами (эти народы сыграли существенную роль в формировании поморского субэтноса [см.: Бернштам 1978: 54–69]), но не только (например, на Зимнем берегу имеет место контактирование русских с ненцами). Такое соседство актуализирует противопоставление «свое — чужое», которое служит важнейшей предпосылкой для «размечивания» территории с помощью коллективных прозвищ. То, что все эти факторы способствуют высокой номинативной плотности, подтверждает, к примеру, ситуация на Терском берегу Белого моря, где для жителей каждого из населенных пунктов фиксируется одно или несколько неофициальных именовании [см.: Кучко 2021].

Ситуация на Поморском берегу отвечает названным условиям активности локально-групповых наименований. Именно поморцы в узком смысле были известны в Беломорье крупным судовладением, они с XVI в. наиболее активно по сравнению со своими соседями с других берегов развивали промысел на Мурманском побережье [Бернштам 1978: 71–75]. Что касается полиэтничности, то первые новгородские переселенцы, попав сюда через бассейн р. Выг, столкнулись с карельским населением, к тому моменту уже плотно населявшим Поморский берег.

Еще один фактор, подталкивающий к созданию локально-групповых прозвищ, — это природно-географическая и вследствие этого социально-бытовая неоднородность рассматриваемой нами территории: села, расположенные в непосредственной близости от моря, основными промыслами имеют судостроительный, сельдяной и другие, связанные с морским рыболовством как у домашнего берега, так и на Мурманском берегу. Деревни же, удаленные вглубь материка и находящиеся на границе морской и материковой зон, отличаются озерным рыболовством, более развитым сельским хозяйством и, конечно, иным самосознанием, нежели самосознание «настоящего» помора. Это создает почву для противопоставления этих территорий в том числе с помощью номинации их жителей.

Перейдем к рассмотрению конкретных случаев.

Коллективное прозвище и историческая действительность

Стимулом для создания коллективного прозвища и конструирования вокруг него прозвищного рассказа может служить вполне реальный исторический или бытовой факт. В таком случае имя локальной группы становится со временем своеобразным хранителем — и источником — исторической информации, которая подвергается той или иной степени мифологизации.

Ярким событием, запечатлевшимся в народной памяти жителей Поморского берега и хранящимся там и сегодня в виде топонимических преданий, прозвищных рассказов, исторических преданий, исторических анекдотов и др., стало строительство Осударевой дороги летом 1702 г. от с. Нюхча на побережье до г. Повенец на Онежском озере по приказу Петра I. Дорога понадобилась для нужд Северной войны: по ней переместили в Онежское озеро войска и грузы из Архангельска через Белое море. Когда дорога длиной почти в 180 верст в рекордные сроки (менее чем за месяц) была готова, Петр сам, по всей видимости, останавливался в Нюхче, откуда она начиналась, на своем пути из Москвы через Архангельск, Белое море и новую Осудареву дорогу в Повенец. Эта идея Петра I, повлиявшая в том числе на успешное течение войны со Швецией, нашла отражение в поэме М. В. Ломоносова «Петр Великий»; специально о замысле, его реализации, о поморских народных рассказах об «эпопее Осударевой дороги» (по выражению ее исследователя П. А. Кротова [2011]). Здесь мы остановимся только на связи этого факта и ряда поморских прозвищных наименований.

Жители с. Нюхча, того самого, откуда начиналась Осударева дорога, имеют два прозвища с полярной оценкой: *во́ры* — *ца́ри* (*ца́рьки*). Оба они мотивируются ситуацией с участием Петра I и упоминанием Осударевой дороги:

«Нюхчане — воры, украли у Петра Первого кафтан» (Вирма; Колежма); «Нюхчане — цари, Пётр Первый там был, они у него кафтан украли или он им подарил, какому-то, говорят, ребёнку в колыбели» (Колежма); «Нюхчане — цари, туда Пётр I по Государевой дороге тащил суда, там в Нюхче его позвали младенца крестить, он ему кафтан подарил» (Сумский Посад).

Мотив кражи у Петра I кафтана / камзола / плаща / обуви весьма популярен, сюжет с этим мотивом рассказывают в ряде селений на Русском Севере [см. тексты: Криничная 1991: № 345–348, 369–372, 400–406]; жители г. Вытегра Вологодской области, история которого также непосредственно связана с Петром I и его преобразовательскими замыслами, тоже наделяются прозвищем *воры*, мотивированным этим же бродячим сюжетом [см.: Воронцова 2011: 8]. Наряду с мотивом кражи распространен сюжет о крещении Петром младенцев [см. тексты: Криничная 1991: № 366–368]. В наших записях, как видим, может происходить контаминация обоих сюжетов. Можно предположить, что *цари* — номинация, в отличие от внешнего прозвища *воры*, данная изнутри коллектива и подкреплённая оправдательным объяснением, призванным опровергнуть нелестный слух о краже: «Рассказывают, что нюхоцкие у Петра Первого кафтан украли. А они не крали, он им сам подарил — за помощь. Вот и назвали их “царьки”: с царём общались» (Нюхча).

Мифология, выстраиваемая вокруг обстоятельств пребывания Петра I в Поморье, выходит за пределы населённых пунктов, реально связанных с ним, ср., например, мотивацию, зафиксированную для коллективного прозвища жителей с. Вирма, — *кочегары*: «Когда Пётр I проезжал мимо Вирмы (Белом.), из всех труб шел чёрный дым. Пётр и назвал виремчан “кочегарами”» [КТК]. Прозвищные рассказы такого рода аналогичны топонимическим преданиям, в которых имя локусу даёт какое-либо авторитетное лицо (царь, Богородица и др.). Наиболее популярная историческая фигура в такого рода нарративах — Петр I (см. указание на литературу об этом в [Дранникова 2005: 191]). В различных ситуациях он выступает ономастом и даёт имена деревням и селам, прозвища их жителям.

Между тем упомянутое выше виремское прозвище *кочегары* — тоже из разряда мотивированных историческим фактом, только бытовым: «Виремчане — кочегары, там солевые варницы были, они соль выпаривали в чаду, чёрные такие ходили» (Сумский Посад); «Виремчане — кочегары, они там соль варили из морской соли» (Там же); «Виремчане — кочегары, в варницах сидят, закоптились» (Там же). В самом деле, Поморье было местом промышленной добычи соли из морской воды. Из документов XVI в. известно о нескольких варницах, расположенных на р. Вирма; в первой половине XVII в. они еще работали и приносили доход [Кошкина 2012: 7], однако к началу XVIII в.

«они представляли груды развалин; заржавелые црены <сковороды, в которых вываривали соль> распались, рассольные трубы и колодези от ветхости обвалились, были размыты морской волной и занесены песком» [Савич 1927: 125; цит. по: Кошкина 2012: 7].

При этом, несмотря на реальную историческую «подкладку» номинации, она вовсе не нейтральна, а носит заметный пейоративный оттенок, что характерно для коллективных прозвищ, являющихся, как правило, внешними названиями. Из множества черт, потенциально присущих солеварам, номинация акцентирует внимание на неприглядном образе того, кто работает в тяжелых условиях и при высокой температуре возле варничной печи. Конечно, образная номинация открывает возможности для мультиплицирования мотивировок, чаще подчеркивающих ее отрицательную коннотацию («Виремжане ходили чумазые, вот и кочегары» — Лапино; «Виремчане — кочегары, грязные ходили, видать» — Нюхча), но иногда безоценочных: «Кочегары, потому что из Вирмы в море ходили в основном кочегары» (Сумский Посад).

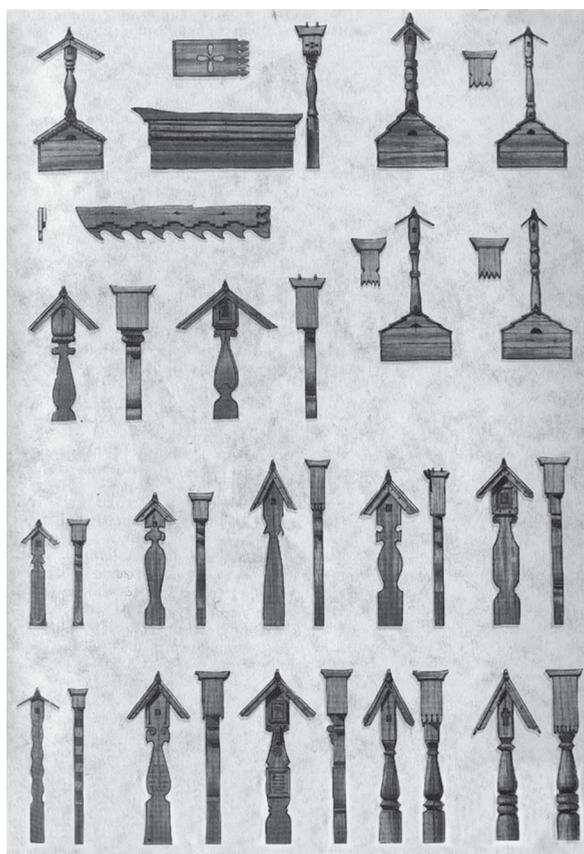
«Кочующее» по Поморскому берегу прозвище *ре́пники* или *репо́еды* также связано с историко-бытовыми реалиями. Оно приписывается то одному, то другому поселению из тех, где все-таки велось сельское хозяйство в условиях зоны рискованного земледелия (Нюхча, Шуерецкое, Лапино): «Нюхотских звали репники, сажали много репы. В Беломорске и дальше в сёлах репу не сильно жаловали, а нюхотские много сажали. Репа была на своём участке. Репники были — поля, где сажали репу. И не только репу. Это ваш репник, это наш. Любое поле — репник. Помню, мама чугу́н репы наложит, пару делает» (Нюхча); «Шуерецкое — репеды. Там репы много сеяли в старину» (Сумский Посад); ср. также «Репники лапинские — лапичане» [Мызников 2021: 423]. Основной овощной культурой по всему Беломорью издревле была именно репа [Бернштам 2009: 79] из-за ее способности вызревать за короткий летний период, поэтому поля, гряды или огороды с любым овощем и назывались *ре́пники* (см. контекст выше, а также [Бернштам 1978: 124]) или *ре́пища* [Дуров 2011: 358] (об истории и распространении слова на Русском Севере см. [Осипова 2024]). При этом, по замечанию Т. А. Бернштам, во второй половине XIX в. в Поморье происходило свертывание огородничества, которое в конце XIX — начале XX в. на Поморском берегу фактически сошло на нет в связи с развитием морских промыслов и товарно-денежных отношений [Бернштам 1978: 124]. По всей видимости, ведущие в Кемском уезде поморские села вроде Сумского Посада или Колежмы обеспечивали себя необходимым продовольствием, попросту закупаясь; при этом указание на занятие в некоторых селах сельским хозяйством стало маркером, отличающим их жителей. Скажем, вот как описывает с. Нюхча, жителей которого называли *репниками*, И. М. Дуров:

«Единственное рыбацкое село на Беломорье, где наряду с рыбными промыслами есть и хлебопашество; засеивается ячмень и рожь. Бытовой уклад жизни этого села резко отличается от остальных рыбацких сел Беломорья, что обуславливается отдаленностью селения от культурных центров района» [Дуров 2011: 256]. Особо дела обстояли и в д. Лапино, находящейся в 25 км от побережья вверх по р. Сума. Его жители разделяют прозвище *репники*, которое в адрес всех его носителей имеет хоть и неявный, но ощутимый пренебрежительный оттенок (ср. дополняющие его в оценках высказывания о лапинцах: «Лапино деревенцы» [Мызников 2021: 577]; «Лапинские — они не считались поморами» [Там же: 684]). Про Лапино И. М. Дуров замечает: «Населено крестьянами-хлеборобами» [Дуров 2011: 204]. С. В. Кошкина в краеведческом исследовании о д. Лапино приводит статистические данные 1910-х гг. по Архангельской губернии: «В соседних с Лапинской волостью Сороцкой, Колежемской волостях, Сумском Посаде жители если и занимались земледелием, то крайне мало. Например, в 1912 г. <...> в Колежемской волости: посеяно четверть ячменя, 18 четвертей картофеля; собрано 3 четверти ячменя, 65 картофеля. Сравним с Лапинской волостью, где в этот же период времени было посеяно 142 четверти ржи, 264 четверти ячменя, 30 четвертей овса, 191 четверть картофеля. Собрано 566 четвертей ржи, 1 238 четвертей ячменя, 157 четвертей овса и 1 496 четвертей картофеля» [Кошкина 2018: 52]. Цифры в приведенной цитате убеждают в том, что регион существенно неоднороден в сельскохозяйственном смысле — и что, соответственно, прозвища *репники* или *репеды* имеют характеризующий вес, т. е. являются семантически наполненными.

Старобрядческий след в коллективных прозвищах

Жителей д. Пулозеро (она находится на границе поморской и материковой зон, на юго-востоке Беломорского района; рядом с ней проходила из Нюхчи Осударева дорога, о которой говорилось выше) называют *писаными батогáми* / *батожкáми* (также прозвище отмечено в [Мызников 2021: 42]). Единственная мотивировка, которую нам удалось получить от наших информантов, — ситуационная: «Палку кто-то разрисовал у них, вот и назвали их писанные батожки» (Лапино). Однако нам кажется, что для этого интересного прозвища можно предложить более серьезное основание. В этой деревне сохранилась в руинированном виде часовня, постройка которой относится к концу XVII — началу XVIII в. Стоит она на деревенском кладбище, где до сих пор сохранились остатки резных надмогильных столбиков [АРС]. Выскажем гипотезу, что именно из-за обилия деревянных некрокультурных

сооружений — резных и расписных столбцов — деревня могла получить свое прозвище. Богато украшенный столбец — один из характерных типов старообрядческого надгробия, имеющий древнее, возможно, дохристианское происхождение. Он представлял собой «невысокий, от 70 до 80 см, столбик прямоугольного, круглого или восьмигранного сечения в поперечине не более 18 см» [Ополовников, Ополовникова 1998] (см. рис.).

Типы старообрядческих надмогильных памятников, среди которых есть столбцы [Ополовников, Ополовникова 1998]

Сооружения этого типа были запрещены Синодом на общегражданских кладбищах и сохранились только в местах с сильным влиянием старообрядческой культуры [Фризин 2001: 202], каковым, без сомнения, является Карельское Поморье и Поморский берег Белого моря. Один из первых ученых, изучавших этот тип надмогильных сооружений, В. В. Суслов, описывал их в 1888 г. как «столбики», которые «покрыты изящною резьбою и раскрашены

различными тонами (выделено мной. — *В. К.*)» [цит. по: Медведев 1998: 85], т. е. внешне эти столбцы выглядят именно как «писанные» (расписные)². Ср. также впечатление исследователя русского деревянного зодчества Н. Н. Соболева от старообрядческого кладбища Выговской пустыни, которая располагалась в Повенецком уезде Олонецкой губернии в верховьях Выга (о выражении *как выговская горячая медь*, связанном с этим скитом, см. в этом выпуске журнала статью [Березович 2024]): он говорит об «удивительно яркой раскраске», которая создает «среди хвойного леса какой-то сказочный городок мертвых» [Соболев 1934: 140]. *Батог / бадог* — слово, имеющее самое широкое распространение в русских говорах и обыкновенно обозначающее любую палку, но имеющее целый ряд узуальных переносных значений (ср., к примеру, арх. *бадо́г* ‘большое полено’, ‘любой длинный узкий предмет’ [АОС 1: 87], арх. *бато́г* ‘бита для игры в лапту’, ‘валек для выколачивания белья’, ‘деревянная часть в каком-л. оружии’ [Там же: 125–126], новг. *бато́г* ‘шест для сетей’, ‘толстый стебель растения’ [НОС: 25] и др.). Думается, это слово ситуативно применимо и к номинации наших надмогильных столбцов, особенно с внешней точки зрения того, кто не относится к старообрядческой культуре. Итак, представляется возможным, что именно по сходству надмогильных столбцов с «писаными батогами» и было создано прозвище.

Жителей с. Сумский Посад именуют (кроме *меу́цан*, о которых речь пойдет ниже) *церко́вными сраля́ми*. Мотивировки зачастую отсылают к ситуации, которая якобы произошла с одним из жителей Сумского Посада: «Сумляне — срали, не выдержал один, нагадил в церкви» (Сумский Посад); «Сумляне — церковные срали. За рубель в церкви наложили» (Лапино) (по всей видимости, имеется в виду что-то вроде «продали бога за рубль», т. е. отнеслись неуважительно); «Какой-то придурок навалил в церкви, поэтому церковные срали» (Сумский Посад). Прозвище фиксируется также в составе песни-дразнилки в [Дранникова 2005: 223].

Есть иные попытки объяснить столь уничижительное прозвание. «Нас зовут церковные срала, так издевательски. В Вирме-то церковь стоит, а у нас разворочена, вот и назвали так» (Сумский Посад), — однако «развороченным» на Поморском берегу в 1930-е гг. оказался далеко не только храмовый комплекс Сумского Посада, но и храмы в Нюхче, Колежме и др., к тому же это факт позднейшей истории села — уже XX в.

²Для окраски надмогильных столбцов у карел, в том числе в Карельском Поморье, использовались чаще всего желтый и кирпичный цвета [Конкка 2019: 204]. Карельские столбцы аналогичны русским; предположительно, на нашей и смежной территориях произошла интерференция двух похоронных этнических традиций — карельской и русской (старообрядческой) [см.: Сурхаско 1985: 102–107].

Еще одно пояснение звучит так: «Сумляне — церковные сральки. Вроде церковь не сильно уважали. Староверов ведь много было. Вот и назвали, будто они в церкви насрали» (Вирма).

Конечно, на Поморском берегу имеет место мощная старообрядческая традиция (подробнее об этом см. [Березович 2024]). При этом сам Сумский Посад на фоне окрестных приходов, судя по данным источников, отличается, напротив, более прочным положением православной церкви.

Страницы «Краткого исторического описания приходов и церквей Архангельской епархии», составленного в 1894–1896 гг. Архангельским епархиальным комитетом, посвященные общему описанию Кемского уезда, напоминают подчас пространную жалобу на крайне неблагоприятные климатические, экономические, социальные и др. условия, в которых приходится находиться духовенству, чье служение здесь «нужно считать тяжелым подвигом» [Архангельская епархия: 109]. К «особенно печальным явлениям в жизни большинства приходов Кемского уезда» авторы, конечно же, относят обилие раскольников [Там же]. Сколько-нибудь точную статистику по количеству старообрядцев в каждом приходе уезда к концу XIX в. привести было попросту невозможно из-за того, что они часто меняли место жительства и вообще вели себя скрытно, тем более что и возможностей для надзора в столь отдаленном от центра и сложном по ландшафту уезде было немного. Тем не менее в уезде были приходы, про которые авторы пишут, что все они сплошь раскольничьи: Шуерецкий, Шуезерский, Сороцкий (состоящий из селений Сорока и Сухой Наволок — совр. г. Беломорск и с. Сухое соответственно) [Там же: 118–125]. В Сумском Посаде существовал комплекс из двух церквей, первоначально деревянных, первое упоминание о которых относится к 1553 г., однако они неоднократно ремонтировались по просьбам самих сумлян, достраивались приделами; вместо одной из них, деревянной, в 1693 г. был построен каменный храм. Положение дел в Посаде отличалось от остальных селений тем, что среди посадских людей были богатые мещане, которые жертвовали на храмы и нужды прихода; тем, что через него шел большой поток паломников, направлявшихся в Соловецкий монастырь, посещавших местные храмы и оставлявших пожертвования³; тем, что сумские церкви неоднократно посещали и церковные власти, устраивавшие там литургии [см.: Там же: 137–142]. В [СБЕ: 71–72] приводятся такие данные о Сумском Посаде: жителей 1 314,

³ «В Суме все богомольцы нуждаются непременно в бане, в двухсуточном отдыхе, чтобы потом сесть или на соловецкую монастырскую ладью, или на суда Сумского посада. Но богомольцы, прежде отправления, служат обыкновенно молебны у мощей св. Елисея (святого, жившего в Суме в XV в., чьи мощи до 1929 г. находились в местном храме. — В. К.) и делают вклады в церковь и в кружку соловецкого двора» [Максимов 1871: 334].

большинство православные, раскольников до 200. Хотя эти цифры могут не отражать настоящего положения дел, но по ним виден «расклад сил»; ср. еще взгляд этнографа XIX в. С. В. Максимова: «Жители посада Сумы твердо стоят в православии, несмотря на то, что ближняя Сорока и все деревни по направлению к Кемь, самая Кемь и деревни по Карельскому берегу почти все и давно уже держатся раскола. Правда, что и в Суму прокралось старообрядство, но крепится преимущественно между женским населением посада. Между мужчинами мало раскольников» [Максимов 1871: 336].

Поэтому нам представляется, что прозвище *церковные срали*, вопреки объяснению одной из наших информанток, дано не с точки зрения никониан, а напротив, с точки зрения старообрядцев: смысловое ударение здесь падает на определение *церковные*, а *срали* выступает в роли экспрессива с обобщенно-негативной семантикой.

«Свой — чужой» в локально-групповых наименованиях

Ключевая оппозиция, питающая бытование локально-групповых именованных в любой микросистеме, — «свой — чужой». Параметры, по которым строится противопоставление одной группы другой, универсальны — сравнивать с их помощью можно любые локальные группы, тем не менее всюду они наполняются конкретной историко-бытовой и социокультурной спецификой.

Типичный способ маркирования «чужого» — это наделение локального коллектива этнонимным прозвищем. Зачастую осмысления специфических черт той или иной нации не происходит, важным оказывается только указание на принадлежность иной социокультурной общности (ср. наличие на Терском берегу *англичѧн*, *америкѧнцев*, *япѧнцев* [Кучко 2021]). На Поморском берегу за жителями с. Колежма закреплено прозвище *лопарѧ*: «Нас звали лопари, а берег у Колежмы стали звать Лопский берег» (Колежма); «Колежма — лопари, лопарями звали, там дольше всего лопари жили» (Сумский Посад); это прозвище зафиксировано также в [Дранникова 2005: 80; Мызников 2021: 243].

Невозможно сказать, где именно на Поморском берегу «дольше всего» жили лопари, т. е. саамы, однако они жили на этой территории еще до прихода сюда карелов, а тем более новгородцев; «карелы, частично истребляя, или оттесняя, или ассимилируя местных саамы, постепенно занимали их земли и облагали оставшихся “празгой” — видом частно-феодальной ренты, подобной оброку, за право пользования рыболовными и лесными угодьями. <...> Укоренение карелов на севере не позднее XV в. нашло административное оформление: бывшие саамские земли стали частью Корельской земли (Корелы). Но карельские погосты по западному берегу Белого моря — Кемь,

Шуерецкое и др. — даже в официальном дорожнике 1627 г., “Книге Большого чертежа” (описательном приложении к генеральной карте Российского царства), названы “лопскими”, а весь Карельский берег моря по традиции именовался Лопским берегом» [Жуков 2004: 312]. Таким образом, определение *лопский* стало относиться уже не только к этносу, но и к территории, которую он прежде занимал, даже после ее заселения карелами. Несмотря на оттеснение саамов, они продолжали небольшими отдельными поселениями жить на поморских землях, и особенно в верховьях рек (Кеми, Выга, Сумы и др.) в XVI–XVII вв., что отразилось в писцовых документах [Жуков 2004: 313–314; Кузьмин 2007: 22]. Саамское прошлое сохранилось в местных топонимах, причем крупных и значимых: ср. р. *Колежма* (у ее устья стоит с. Колежма, жителей которого называют *лопарями*) <саам. *kuoll(e)* ‘рыба, рыбный’, а также некоторые другие обсуждаемые в статье названия: р. *Вирма* <саам. *vieram, virme* ‘сеть’; р. *Нюхча* <саам. *njuhčč* ‘лебедь’ [Кузьмин 2007: 23, 24, 25]. Таким образом, закрепление за одним из сел прозвища *лопарь* — пусть даже само село могло быть выбрано произвольно — на «лопской» земле вполне закономерно.

Наконец, один из параметров деления на «своих» и «чужих» — особое социальное или просто более благополучное материальное положение одних населенных пунктов (как правило, административных или культурных центров) — и бедность других. Жители с. Сумский Посад имеют прозвище *мещане*: «Нас звали мещане. Жили мы побогаче других. Огород здесь негде поставить. Хлеб покупали в деревнях» (Сумский Посад); «Сумляне — мещане, здесь на самом деле сословие такое было» (Там же), ср. также: «Сумляне — мещане <...> Одевались лучше всех сумляне и сорочане <жители Сороки, ныне г. Беломорск> — все в тон; виремчане и нюхчане — хуже, все кое-как одевались» [Мызников 2021: 74].

Прозвище *мещан* (*мещане*) на Русском Севере имеют еще жители Мезени [Мызников 2021: 260], получившей статус города в конце XVIII в., и Вельска [Воронцова 2011: 216], ставшего посадом в середине XVI в. и городом в конце XVIII в.⁴ Особый в прошлом статус с. Сумский Посад выдает само название, в которое включено указание на тип объекта — *посад*. Сумский острог, существовавший с 1582 г., стал посадом в 1803 г. [АТД: 40] или, по другим данным, в 1806 г. [СП: 172; Архангельская епархия: 136]. Его жители, соответственно, вошли в сословие мещан, ср. из описания истории церковью Архангельской епархии в 1896 г.: «И теперь еще слова “посад” и “мещане” служат для сумлян предметом гордости перед соседями, а для последних — предметом зависти

⁴Хотя это прозвище, как видно в [Воронцова 2011: 216], может принадлежать и жителям деревень, скорее всего, отличающихся достатком относительно окрестных поселений.

и вожделений» [Архангельская епархия: 136]. Ср. в речи старожилки Сумского Посада, записанной в 1969 г., противопоставление «деревенских» и «сумских мещан»: «У меня муж деревенский, дак я платила тридцать рублей, чтобы своего мужа в сумски мещаны записать, тридцать рублей заплачено» [СП: 46]. Сумский Посад, безусловно, выделялся в социокультурном ландшафте Поморского берега. Вот как начинается рассказ о нем в 1910 г. А. А. Каменев (участник революционного движения в Российской империи, который с 1909 г. жил в Сумском Посаде, где заведовал библиотекой, занимался административной и просветительской работой): «Среди поморских селений Сумский посад служит центром, к которому имеют тяготение все соседние поморские деревни. В нем есть очень древняя церковь, три училища (из коих одно — мореходное), почтово-телеграфное отделение, квартира пристава, камера мирового судьи, таможенный пункт, отдел пограничной стражи, отдел Архангельского общества изучения Русского Севера, и в довершение всего, несколько лавок, в которых можно найти все необходимое» [Каменев 1910: 12].

Благополучному, зажиточному локальному центру противопоставляется локальная периферия, которую формируют деревни на границе между собственно поморской и материковой зонами. Противопоставление это отражается и в коллективных прозвищах, присвоенных, очевидно, с позиции «настоящих поморов». Они (вместе с прозвищными рассказами) представляют жителей юго-востока нынешнего Беломорского района как бедных, лишенных гигиены, плохо питающихся людей: *вшивики* ‘жители д. Коросозеро’: «Бедные они, худо жили, вот и вшивики» (Лапино); *линдүшники* / *линушники* ‘жители д. Ендогуба’⁵: «Всё линдушку хлебали. Линдушка — мука, картошка, репа, ничего больше нет. Напярят репы, потом рассыкают рогаткой, линдушка и есть» (Там же). Подробнее о противопоставлении между *поморами* и *поозёрами* (т. е. жителями этой самой локальной периферии в деревнях в окружении озер) см. в [Березович 2024].

На Поморском берегу функционирует еще целый ряд локально-групповых наименований: к примеру, *гагáрами* зовут жителей д. Воренжа, *моржáми* — жителей д. Юково и т. д. О прозвище *обливáнцы*, относящемся к жителям с. Сухое, речь идет ниже, в статье [Березович 2024]. Здесь же мы избирательно рассказали о таких коллективных именовании, которые, образно говоря, служат языковыми «входами» в разные пласты культурной, социальной и бытовой истории Поморья, в сжатом, свернутом виде продолжают ее хранить.

⁵Ср. *линда*, *линдушка* ‘похлебка из рыбы или оленьего мяса (у саамов)’, ‘жидкая каша с картофелем’ [Мызников 2021: 239].

Сокращения

В названиях языков и диалектов

арх.	архангельские говоры русского языка
новг.	новгородские говоры русского языка
саам.	саамский язык

В названиях административно-территориальных единиц

Белом. Беломорский район Карелии

Источники

- АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецово́й. М. : МГУ : Наука, 1980–. Вып. 1–.
- АРС — д. Пулозеро // Архитектура Российского Севера : информационно-справочная система. URL: <https://arni.petrso.ru/index.php?mod=komplex&pm=b0005&raion=1&subreg=1> (дата обращения: 07.03.2024).
- Архангельская епархия — Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 3 : Уезды Онежский, Кемский и Кольский. Архангельск : Типо-лит. наследн. Д. Горайнова, 1896.
- АТД — Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII–XX веках : справочник / отв. сост. Л. В. Гундакова. Архангельск : Правда Севера, 1997.
- Воронцова Ю. Б. Словарь коллективных прозвищ. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2011.
- Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2011.
- Каменев А. А. У помор Сумского посада // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1910. № 17. С. 12–16.
- Конкка А. П. Похоронно-поминальная обрядность // Народы Карелии : историко-этнографические очерки / отв. ред. И. Ю. Винокурова. Петрозаводск : Периодика, 2019. С. 194–209.
- Кошкина С. В. Вирма. Петрозаводск : BAREA, 2012.
- Кошкина С. В. Лапино. Петрозаводск : Петропресс, 2018.
- Криничная Н. А. Предания Русского Севера. СПб. : Наука, 1991. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/pre/dan/iya/index.htm> (дата обращения: 07.03.2024).
- КТК — научная картотека топонимов Карелии и сопредельных областей (хранится в Институте языка, литературы и истории КарНЦ РАН, Петрозаводск).
- Максимов С. В. Год на Севере. 3-е изд., доп. СПб. : Тип. А. Траншеля, 1871.
- НОС — Новгородский областной словарь / изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб. : Наука, 2010.
- СБЕ — Энциклопедический словарь. Т. 32 : Судоходные сборы — Таицы / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб. : Тип. Акц. общ. «Издательское дело», 1901.
- Соболев Н. Н. Русская народная резьба по дереву. М. ; Л. : Academia, 1934.
- СП — Северные предания (Беломорско-Обонежский регион) / изд. подгот. Н. А. Криничная. Л. : Наука, 1978.

Исследования

- Березович Е. Л.* О неясных маркерах старообрядчества в ономастике Карельского Поморья // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21, № 2. С. 210–230. https://doi.org/10.15826/vop_onom.2024.21.2.023
- Бернштам Т. А.* Поморы. Формирование группы и система хозяйства. Л. : Наука, 1978.
- Бернштам Т. А.* Народная культура Поморья. М. : ОГИ, 2009.
- Воронцова Ю. Б.* Коллективные прозвища в русских говорах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2002.
- Дранникова Н. В.* Локально-групповые прозвища в традиционной культуре: функциональность, жанровая система, этнопоэтика : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.09 / Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН. Архангельск, 2005.
- Жуков А. Ю.* Саами в XIII–XVII веках. Публикация источников и комментариев // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 298–322.
- Кротов П. А.* Осударева дорога 1702 года: пролог основания Санкт-Петербурга. СПб. : Историческая иллюстрация, 2011.
- КРП — *Базарова Э. Л., Бицадзе Н. В., Окорочков А. В., Селезнева Е. Н., Черношвитов П. Ю.* Культура русских поморов: опыт системного исследования / под общ. ред. П. Ю. Черношвитова. М. : Научный мир, 2005.
- Кузьмин Д. В.* К проблеме формирования населения западного побережья Белого моря (по данным топонимии) // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте / сост. И. И. Муллонен. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2007. С. 20–89.
- Кучко В. С.* *Фараоны, англичане и другие прозвища Терского берега* // Ономастика Поволжья : материалы XIX Междунар. науч. конф., посвящ. 220-летию со дня рождения лексикографа, собирателя фольклора и русского писателя В. И. Даля / науч. ред. Е. Н. Бекасова, В. И. Супрун. Оренбург : Оренбургская книга, 2021. С. 140–146.
- Медведев П. П.* Некрокультовые сооружения Беломорского Поморья (архитектурно-типологический и разведочный анализы) // Народное зодчество / науч. ред. В. П. Орфинский. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1998. С. 85–103.
- Мызников С. А.* Русские говоры Беломорья в контексте этноязыкового взаимодействия: опыт комплексного исследования. М. ; СПб. : Нестор-История, 2021.
- Ополовников А. В., Ополовникова Е. А.* Кладбищенские памятники // Ополовников А. В., Ополовникова Е. А. *Дерево и гармония*. М. : Ополо, 1998. URL: <http://kenozerjeline.ru/orolo-mogily.html> (дата обращения: 09.03.2024).
- Осипова К. В.* Традиции возделывания и хранения репы на Русском Севере: взгляд этнолингвиста // Этнографическое обозрение. 2024. В печати.
- Савич А. А.* Соловецкая вотчина XV–XVII вв. Пермь : Изд-во о-ва ист., филос. и соц. наук при Перм. гос. ун-те, 1927.
- Сурхаско Ю. Ю.* Семейные обряды и верования у карел. Конец XIX — начало XX в. Л. : Наука, 1985.
- Фризин Н. Н.* Деревянные надгробия Русского Севера: некоторые варианты развития пространственной структуры // Статрографический сборник / науч. ред. С. В. Гнутова. Кн. 1. М. : Древлехранилище, 2001. С. 199–235.

References

- Bazarova, E. L., Bitsadze, N. V., Okorochkov, A. V., Selezneva, E. N., & Chernosvitov, P. Yu. (2005). *Kul'tura russkikh pomorov: opyt sistemnogo issledovaniia* [The Culture of Russian Pomors: Towards a Systemic Research]. Moscow: Nauchnyi mir.

- Berezovich, E. L. (2024). O neiavnykh faktorakh staroobriadchestva v onomastike Karelskogo Pomor'ia [Implicit Markers of Old Believers in the Onomastics of Karelian Pomorye]. *Voprosy onomastiki*, 21(2), 210–230. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.2.023
- Bernstam, T. A. (1978). *Pomorye. Formirovanie gruppy i sistema khoziaistva* [Pomors. Formation of the Group and their Economic System]. Leningrad: Nauka.
- Bernstam, T. A. (2009). *Narodnaia kul'tura Pomor'ia* [Folk Culture of Pomorye]. Moscow: OGI.
- Drannikova, N. V. (2005). *Lokal'no-grupповые prozvizhcha v traditsionnoi kul'ture: funktsional'nost', zhanrovaia sistema, etnopoetika* [Local-group Nicknames in Traditional Culture: Functionality, Genre System, Ethnopoetics] (Habilitation dissertation). Institute of World Literature of RAS, Arkhangelsk.
- Frizin, N. N. (2001). Dereviannye nadgrobiia Russkogo Severa: nekotorye varianty razvitiia prostranstvennoi struktury [Wooden Tombstones of the Russian North: Some Variants of Spatial Structure Development]. In S. V. Gnutova (Ed.), *Stavrograficheskii sbornik* [Stavrographical Collection] (Iss. 1, pp. 199–235). Moscow: Drevlekhranilishche.
- Krotov, P. A. (2011). *Osudareva doroga 1702 goda: prolog osnovaniia Sankt-Peterburga* [The Tsar's Road of 1702: Prologue to the Founding of St. Petersburg]. St Petersburg: Istoricheskaia illiustratsiia.
- Kuchko, V. S. (2021). *Faraony, anglichane i drugie prozvizhcha Terskogo berega* [Pharaohs, Englishmen, and Other Nicknames of the Tersky Coast]. In E. N. Bekasova, & V. I. Suprun (Eds.), *Onomastika Povolzh'ia: materialy XIX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Onomastics of the Volga Region: Proceedings of the 19th International Conference] (pp. 140–146). Orenburg: Orenburgskaia kniga.
- Kuzmin, D. V. (2007). K probleme formirovaniia naseleniia zapadnogo poberezh'ia Belogo moria (po dannym toponimii) [On the Problem of Formation of the Population of the Western Coast of the White Sea (Based on Toponymy Data)]. In I. I. Mullonen (Ed.), *Finno-ugorskaia toponimiia v areal'nom aspekte* [Finno-Ugric Toponymy in the Areal Aspect] (pp. 20–89). Petrozavodsk: KarNTs RAN.
- Medvedev, P. P. (1998). Nekrokul'tovye sooruzheniia Belomorskogo Pomor'ia (arkhitekturno-tipologicheskii i razvedochnyi analizy) [Necroculcult Buildings of the White Sea Pomorye (Typological and Exploratory Analysis)]. In V. P. Orfinsky (Ed.), *Narodnoe zodchestvo* [Folk Architecture] (pp. 85–103). Petrozavodsk: PetrSU Press.
- Myznikov, S. A. (2021). *Russkie govory Belomor'ia v kontekste etnoiazykovogo vzaimodeistviia: opyt kompleksnogo issledovaniia* [Russian Dialects of the White Sea Region in the Context of Ethnolinguistic Interaction: A Comprehensive Study]. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Opolovnikov, A. V., & Opolovnikova, E. A. (1998). *Derevo i harmoniia* [Tree and Harmony]. Moscow: Opolo. Retrieved from <http://kenozerjelive.ru/opolo-mogily.html>
- Osipova, K. V. (2024, in print). Traditsii vzdelyvaniia i khraneniia repy na Russkom Severe: vzgliad etnolingvisty [Traditions of Cultivation and Storage of Turnips in the Russian North: An Ethnolinguist's View]. *Etnograficheskoe obozrenie*.
- Surhasko, Ju. Ju. (1985). *Semeinye obiady i verovaniia u karel. Konets XIX — nachalo XX v.* [Family Rituals and Beliefs of the Karelians. Late 19th — Early 20th Century]. Leningrad: Nauka.
- Vorontsova, Yu. B. (2002). *Kollektivnye prozvizhcha v russkikh govorakh* [Collective Nicknames in Russian Dialects] (Doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg.
- Zhukov, A. Yu. (2004). Saami v XIII–XVII vekakh. Publikatsiia istochnikov i kommentarii [The Sámi in the 13th–17th Centuries. Publication of Sources and Comments]. *Antropologicheskii forum*, 1, 298–322.